

ЛОВЪ НА ПОДДЕВНУЮ УДУ, ДРАГОЙ И ПЕЛАГИЧЕСКОЙ СЕТЬЮ

Бодрымъ и свежимъ проснулся я после шестичасового сна.

Григорій Ивановичъ со штурманомъ пили чай.

— Ну, что? Какъ дела? — спросилъ я.

— Штилеемъ, Константинъ Павловичъ!

Я вышелъ на палубу. Паруса безсильно висели. Медленно, медленно, едва заметной и совершенно гладкой на поверхности волной перекатывалась безпредельная поверхность океана, ярко освещенная солнцемъ. На юге, миляхъ въ 15 виднелись бурые подернутые зеленью берега Мурмана. Кое-где въ бинокль можно было различить лежавшія на ярусахъ шняки промышленниковъ. Воздухъ былъ такъ чистъ и дышалось такъ легко, что не хотелось идти въ каюту, казавшуюся теперь и тесной и мрачной.

Сидя за чаемъ, мы думали, что намъ делать. Чтобы не терять даромъ времени, решили стать здесь на якорь и произвести рядъ работъ въ надежде, что къ концу ихъ задуетъ ветеръ, и мы двинемся дальше.

— Жалко, что наживки нетъ, — сказалъ я, — а то хорошо было бы ярусъ выметать!

— Мы попробуемъ ловить на поддевь, — заметилъ Григорій Ивановичъ.

Я слышала объ этомъ удивительномъ способе лова, но никогда его не видела. Поэтому я съ большимъ интересомъ следилъ за всеми приготовлениями къ нему, после того какъ «Поморъ» сталъ на якорь.

Штурманъ досталъ несколько поддевныхъ удъ и роздалъ матросамъ. Простота этой снасти меня поразила. Представьте себе 2 большихъ крючка такой же формы, какъ обыкновенные крючки для удочекъ, но значительно больше ихъ, вершка три въ высоту; оба эти крючка спаяны другъ съ другомъ своими длинными сторонами такъ, что ихъ острия торчатъ въ прямо противоположныя стороны. Этотъ двойной крючекъ привязанъ къ длинной бичевке такой толщины, какъ форшни; на некоторомъ разстояніи отъ крючка прикреплено грузило, а между последнимъ и крючкомъ привязано несколько блестящихъ жестяныхъ пластинокъ, по форме и величине напоминающихъ небольшихъ рыбокъ.

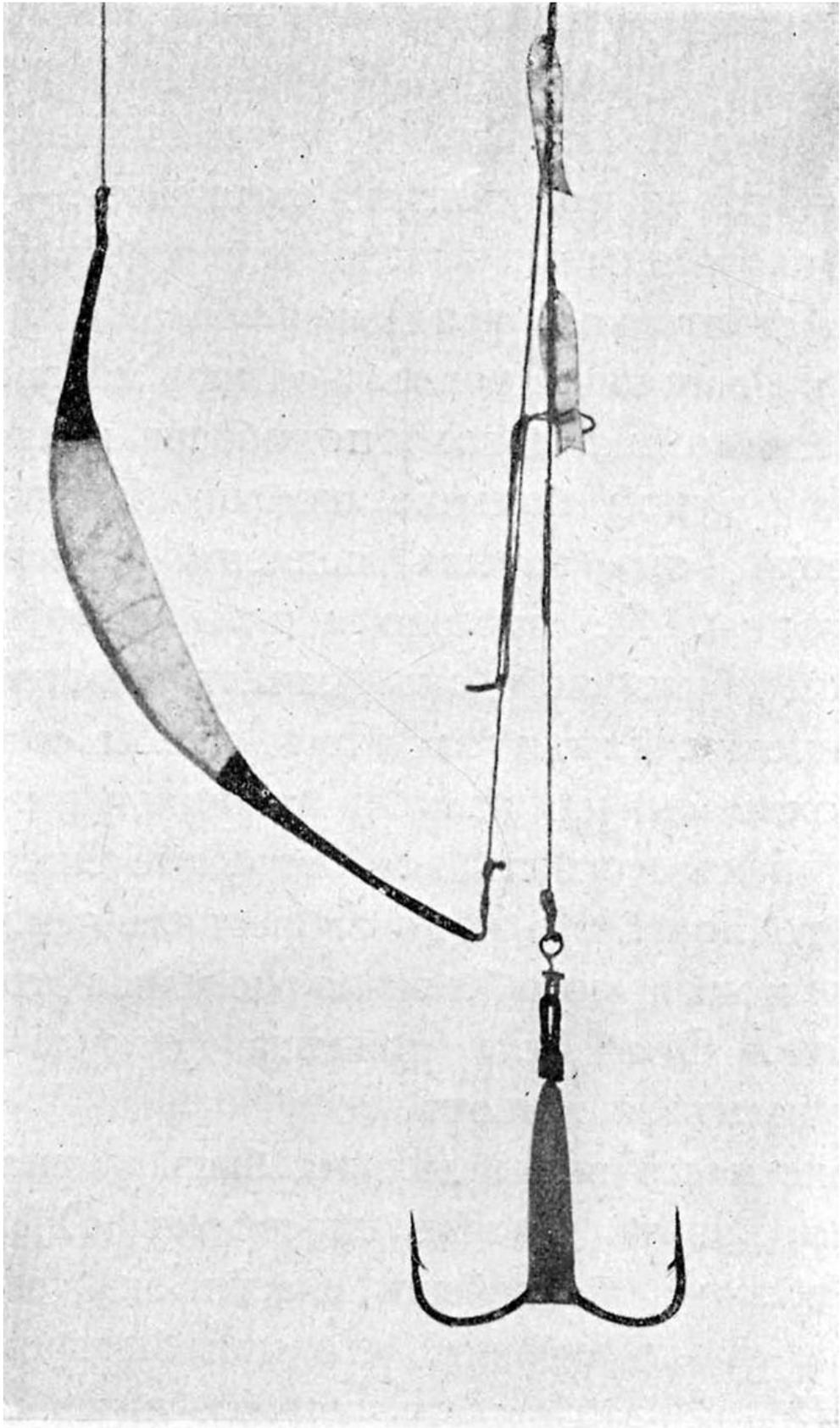
— А чѣмъ же будете наживлять эти крючки? — спросилъ я.

— Да ничемъ! — отвечали мне. — На поддевъ ловятъ безъ наживки!

— Неужели найдется такая дура рыба, которая полезеть на голый ничемъ не наживленный крючекъ? — удивился я.

— А вотъ увидите!

И я, действительно, увидела.

Снасть для лова на поддевъ. Внизу — крючки; вверх по лесе — металлическія рыбки для приманки; слева — грузило.

Григорій Ивановичъ, взялъ у одного матроса поддевь и спустиль его до дна; потомъ подобралъ немного, началъ делать правой рукой большіе взмахи: быстро поднимая бичевку вверхъ, онъ затемъ медленно спускалъ ее до прежней глубины. Не прошло и пяти минутъ, какъ съ торжествующей улыбкой онъ началъ быстро выбирать изъ воды бичевку, следя за темъ, чтобы она не спутывалась, а ложилась на палубу правильными кольцами. Я съ нетерпениемъ гляделъ за борть, все еще сомневаясь въ успехе его лова. Но вотъ заблестела чешуя, и скоро на палубе у моихъ ногъ лежала большая треска около метра длиною. Она была поддета (откуда и названіе снасти) крючкомъ за животъ.

Какая же масса рыбы должна быть у дна, чтобы ее можно было ловить такимъ способомъ! Очевидно, привлеченная блескомъ жестяныхъ пластинокъ, она такой кучей держится около крючка, что при быстромъ подъеме вверхъ последній зацепляетъ ту или иную изъ нихъ за что попало: за животъ, за голову и т. д.

Скоро Григорій Ивановичъ вытащилъ другую треску. Матросы тоже то и дело вытаскивали то треску, то пикшу. Я взялъ у Григорія Ивановича поддевь... После несколькихъ взмаховъ я почувствовалъ, какъ тяжесть снасти сразу увеличилась, и, когда я вытащилъ крючекъ, на немъ висела пикша.

— Почему же промышленники не употребляютъ поддева?
— спросил я.

— Они пользуются имъ, — отвечалъ Григорій Ивановичъ — но поморы не любятъ этого лова. Колонисты шведы, норвежцы и финляндцы применяютъ его очень часто, особенно, кто победнее, у кого нетъ средствъ обзавестись шнякой или елой и дорого стоящимъ ярусомъ. Они выходятъ на промыселъ въ карбасе съ несколькими поддевами и часто возвращаются съ полнымъ грузомъ.

— Отчего же поморы не любятъ поддева?

— Да потому, что ловъ этотъ гораздо труднее яруснаго. Ведь тутъ все время работать нужно, и черезъ 5—6 часовъ рука отъ постоянныхъ взмаховъ страшно устаетъ. А кроме того после поимки каждой рыбы приходится вытягивать сколько саженой лески. Вотъ теперь у насъ глубина 168 метровъ, следовательно, каждый разъ приходится выбирать 160 съ лишнимъ метровъ веревки. Это тоже нелегко.

— А скажите, Григорій Ивановичъ — спрашивалъ я, — на какомъ разстояніи отъ дна долженъ быть крючекъ поддева?

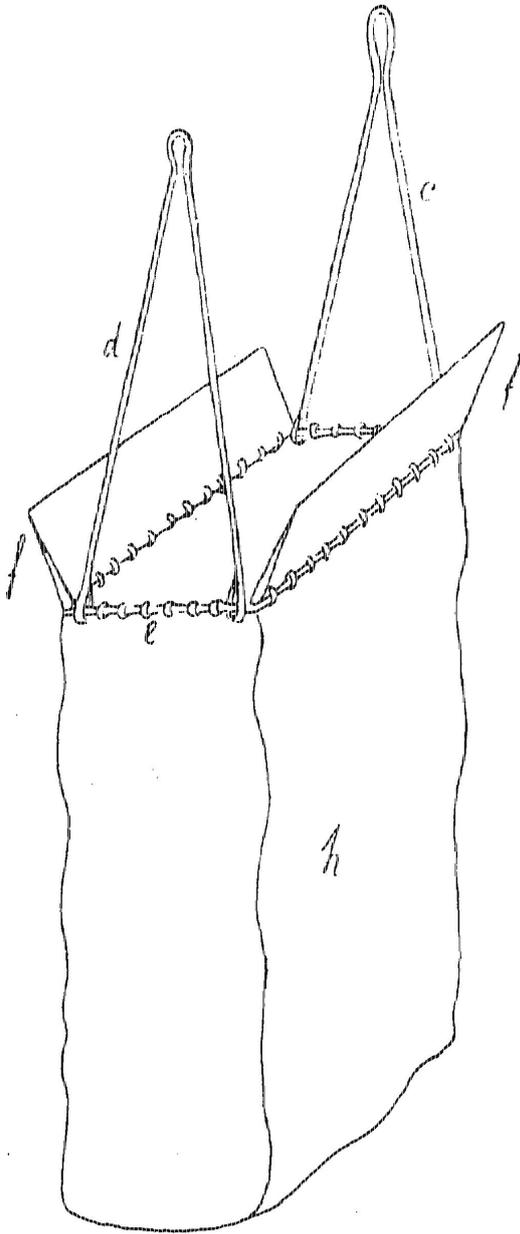
— Какъ когда! Иной разъ рыба держится у самага дна, а иной разъ и выше. Приходится пробовать, — то спускать поглубже, то несколько поднимать. Бываютъ поэтому случаи, когда на ярусъ рыба идетъ очень плохо, а на поддевъ ловится очень хорошо.

Ловъ продолжался и очень удачно.

Я попросилъ Григорія Ивановича спустить шлюпку, чтобы произвести ловъ драгой. Это самое простое орудіе для лова донныхъ животныхъ, безъ котораго не обходится ни одинъ зоологъ.

Взяли его зоологи у промышленниковъ, занимающихся ловомъ устриць, и, несколько изменивъ, приспособили для своихъ целей. На каменистомъ грунте — драга незаменима.

Она состоитъ изъ довольно тяжелой железной рамы,

Драга. *l* — рама; *f* — ножи; *c* и *d* — две ручки; *h* — мешокъ, скрывающийъ сетку.

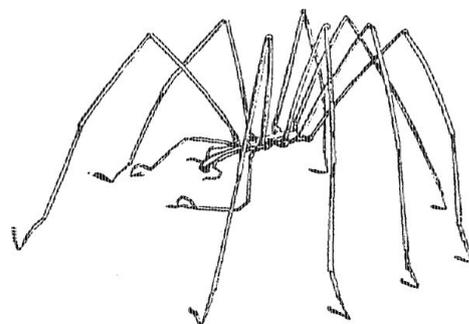
вытянутой въ виде прямоугольника; къ длиннымъ сторонамъ рамы неподвижно прикреплены два ножа, расходящіеся подъ известнымъ угломъ отъ устья драги; къ короткимъ сторонамъ — подвижно прикреплены две ручки. Къ раме привязывается мешокъ изъ очень плотной и прочной сетки. Чтобы онъ не разорвался о камни, покрывающее дно, его часто покрываютъ сверху, какъ футляромъ, еще другимъ мешкомъ изъ крепкой, грубой парусины. Драгу прикрепляютъ къ длинному стальному тросу, бросаютъ въ море и волочатъ по дну. Можетъ случиться, что драга зацепится своими ножками за камень, скалу и т. д.; въ такихъ случаяхъ легко можно было бы погнуть ножи и даже сломать

раму... Чтобы избежать этого, къ тросу прикрепляютъ только одну ручку драги, другую же привязываютъ къ ней тоненькой, но прочной бичевкой. Если теперь драга и зацепится, то при вытягиваніи скорее разорвется бичевка, чемъ согнется или сломается рама.

Снаряженную драгу взяли на шлюпку и отвезли довольно далеко отъ «Помора», на столько, сколько у насъ было троса, который въ это время свободно сматывался съ катушки лебедки. Когда брошенная со шлюпки драга затонула, тросъ начали наворачивать на лебедку... Работа медленная и тяжелая. Черезъ часъ въ моемъ распоряженіи былъ полный мешокъ собраннаго съ морского дна ила.

Чтобы раздобыть находившихся въ немъ животныхъ, пришлось ихъ отмывать въ воде.

Забравшись въ спущенную на воду шлюпку, я бралъ изъ драги комъ ила, клалъ его въ обыкновенное решето съ довольно частой металлической сеткой и встряхивалъ его въ воде. Илъ и песокъ размывались водою и уходили сквозь сетку решета, а на ней оставались пойманныя животныя. Больше всего было мелкихъ моллюсковъ и червей. Многіе изъ последнихъ жили въ трубкахъ, склеенныхъ изъ песчинокъ и крупинокъ ила. Попалось довольно много пикногоновъ или, какъ ихъ называютъ морскихъ пауковъ. Это — удивительно нелепаго вида животное: туловища почти не заметно, и кажется, что все оно состоитъ изъ однихъ ногъ!

Пикногонь.

Раки-отшельники. На переднемъ плане ракъ перебирается из одной раковины в другую, видно его мягкое брюшко.

Среди прочих животных находилось несколько довольно крупных раков-отшельников. Я их посадил в банку с морской водой, и все мы потом долго наблюдали за ними. Рак-отшельник очень похож по виду на нашего обыкновенного речного рака. Отшельником же его называют потому, что он свое брюшко прячет в пустую завитую раковину моллюска, так как оно у него не покрыто твердым известковым панцирем. В случае опасности он почти весь может уйти в раковину, как в домик, и из отверстия ее торчат только усы, глаза, да клешни. В таком положении рак-отшельник чувствует себя в полной безопасности! И действительно, только разве крупная рыба может причинить ему вред, проглотив его вместе с его жилищем!

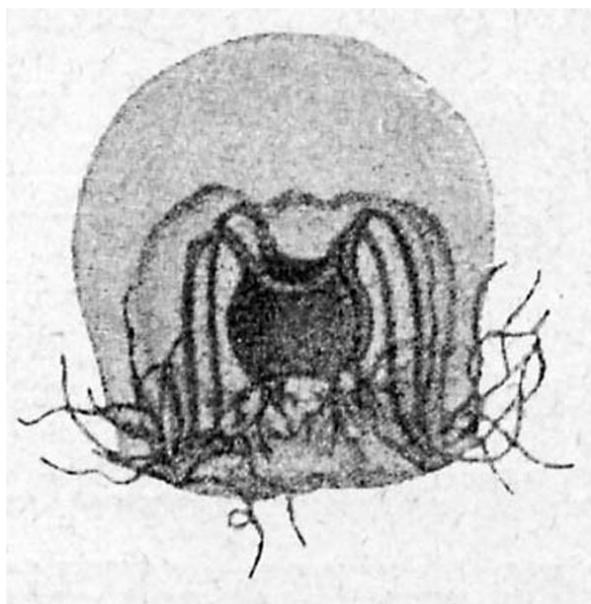
Всех пойманных животных я рассортировал (моллюсков к моллюскам, червей к червям и т. д.) и разложил в банки со спиртом крепостью в 70°. В каждую банку я опустил этикетку с указанием, когда, где и при каких условиях (глубина, грунт, орудие) были пойманы эти животные.

В драге не оказалось ни рыб, ни других быстро плавающих животных. Это вполне понятно: все они легко уходят от такого небольшого и так медленно движущегося орудия.

После драги снарядили пелагическую сетку. Так она называется потому, что служит для лова пелагических животных, т.-е. таких, которые плавают на различных глубинах, начиная от поверхности вплоть до дна.

Пелагическая сетка, бывшая на «Поморе», состояла из металлического обруча в 1 метр в диаметре; к обручу был прикреплен длинный (около 2 с половиной метров) мешок конической формы из особой шерстяной напоминающей канву материи. Узкий конец мешка оканчивался металлическим цилиндром, дно которого было затянуто шелковой материей, похожей на канву или на сито.

Привязав идущие от обруча сетки веревки к тросу, ее спустили почти до самого дна и затем подняли. Медленно поднимаясь, ткань сетки процеживала воду, задерживая всех животных, которые не успевали от нее уйти. Когда сетку подняли, и я отвинтил шелковую ткань, затягивавшую дно стакана, на ней находилась серовато-бурая слизистая масса. Трудно было в ней что-нибудь различить. Всю эту массу я бросил в банку с водой, и последняя закипела жизнью. Тысячи особей маленьких рачков быстрыми, короткими прыжками двигались по различным направлениям;

Маленькая медузка

совершенно прозрачные пелагические черви—сагитты, плавали, слегка извиваясь своим телом, мальки каких-то рыб, величиною не больше сантиметра, с черными, сразу заметными глазами и с прозрачным, почти как стекло, телом едва шевелили своими крохотными хвостиками;

небольшая медузы, въ виде колоколовъ, блюдечекъ и шариковъ, часто отливающія удивительно нежными тонами, безсильно висели въ воде. Все это было такъ нежно, что при сортировке приходилось быть очень осторожнымъ.

Медузъ я отобралъ и положилъ въ формалинъ, такъ какъ въ спирте оне совсемъ не сохраняются; въ формалине же пришлось сохранять и мальковъ рыбъ; все остальное, отфильтровавъ воду, я опустилъ въ спиртъ. Жалко было смотреть, какъ въ этихъ жидкостяхъ пропадали и поразительно нежныя краски, и удивительная прозрачность этихъ животныхъ. Только увидевъ ихъ въ живомъ виде, можно было понять, почему такъ восторгаются ихъ красотой!

Пелагическія животныя вообще носятъ названіе планктона. Конечно, та сетка, которой производился ловъ въ описываемомъ мною случае, могла дать только сравнительно крупныхъ планктонныхъ животныхъ, такъ какъ микроскопическіе организмы вместе съ водою проходили черезъ ткань сетки.

После обеда я принялся за пойманную на поддевъ рыбу. Ея было много, но работа пошла очень быстро, такъ какъ и Григорій Ивановичъ и штурманъ мне усердно помогали. Когда после измерения и вскрытія рыбы начали ее чистить, около «Помора» собралась стая чаекъ, съ жадностью набрасывавшихся на каждый, выбрасываемый за бортъ кусокъ. Какія отчаянныя драки разыгрывались при этомъ между ними! Вся команда высыпала на палубу и съ детскимъ любопытствомъ следила, какъ какая-нибудь более бойкая

чайка, буквально изъ-подъ носа, утаскивала у своей товарки лакомый кусокъ.

Ветра все не было! Солнце склонялось къ горизонту, а мы все еще стояли на томъ же месте. Такъ какъ работы были кончены, и Григорій Ивановичъ надеялся, что къ вечеру задуетъ ветерокъ, то якорь выкатали и подняли паруса. Но они, какъ тряпки, висели на рангауте.

Но что это? Вдали на горизонте я ясно видель силуэты судовъ и какія-то неопределенныя очертанія низкаго берега... Миражъ! Никогда не думалъ я, что буду наблюдать это удивительное явленіе въ ледовитомъ океане! Я училъ когда-то въ географіи о мираже, какъ явленіи, свойственномъ пустынямъ тропическихъ странъ, и вдругъ теперь вижу его въ Северномъ Ледовитомъ океане! Я бросился къ Григорію Ивановичу, думая, что и онъ разделить мое удивление, но жестоко ошибся.

— Въ тихую погоду, — заметилъ онъ, — это часто здесь бываетъ.

Какъ хорошъ, какъ дивно хорошъ былъ этотъ вечеръ въ океане, далеко за полярнымъ кругомъ!

Уже солнце совсемъ склонилось къ горизонту, когда потянуль слабый нордъ-вестъ. Паруса начали надуваться, и «Поморъ» двинулся къ берегу.

